

ПРОЦЕССЫ КОММУНАЛЬНОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ «НЕФОРМАЛЬНОЙ» ЭКОНОМИКИ

На примере прибрежного рыболовства в Сулаке, Республика Дагестан

Илья ЕРМОЛИН

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,
Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара;
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(119571, Москва, просп. Вернадского, д. 84).
E-mail: ilyaer31@gmail.com

Аннотация

В работе поставлена цель смоделировать схему институциональных взаимодействий, складывающихся в рамках неформальной экономики, и разработать на этой основе способы повышения эффективности регулятивной политики по отношению к неформальному сектору. На базе полевых исследований были выявлены основные источники противоречий между практикой государственного регулирования и механизмами саморегулирования. Предложены рекомендации для органов государственной власти по усовершенствованию механизмов государственного регулирования в сфере прибрежного рыболовства. В ходе исследований автором впервые были проанализированы отношения между членами местного рыболовецкого сообщества под воздействием родовых (тухумных) связей и явления трудовой миграции в рамках неформальной экономики.

Ключевые слова: государственное регулирование, саморегулирование, неформальная экономика.

Оeconomia • Политика

OIKONOMIA • POLITIKA

Введение

Неформальная экономика — феномен отнюдь не новый, развивавшийся по мере эволюции рыночных отношений. Однако впервые внимание научных кругов к данной проблеме было привлечено лишь в 1970-е годы, когда К. Харт описал неофициальный рынок трудовой силы в Гане и его важность для функционирования экономики страны в целом [Харт, 1999]. Этот неофициальный рынок труда Харт назвал неформальным, положив начало полемике вокруг означенного явления. Заслуга Харта заключалась в том, что он впервые рассмотрел функционирование «неформальной» экономики в терминах экономической теории.

Предложенная Хартом концепция получила развитие в исследованиях последних лет, в частности была предложена классификация неформальной экономики, выделяющая теневую, криминальную, домашнюю и реципрокную экономики [Барсукова, 2004]. Рамки «неформальности» расширились за счет включения исследования неформального сектора экономики в развитых странах [Hjalager, 2008], рассмотрения социальных процессов в этом секторе, в первую очередь очередь механизмов само-

регулирования внутри поселений, анализа взаимодействия неформального сектора с окружающей средой, стратегий выживания целых поселков и городов и, наконец, исследования социальной организации криминальных сообществ (с экономической точки зрения) и т. п.

Традиционно неформальность характеризовалась как сфера или область, куда, с одной стороны, не имеет доступа государство, а с другой — где экономические процессы не имеют четкой внутренней структуры.

Как уже упоминалось, понятие неформальности было определено в 1970-х годах в работе Харта. Однако в других формах данный феномен был описан еще в первой половине XX века. Д. Боэке в 1942 году рассматривал развивающуюся экономику как дуалистическую модель, состоящую из рыночной экономики и части, находящейся вне ее рамок (названной им «теневой экономикой») [Boeke, 1942]. Эта работа стала провозвестницей состоящей из двух независимых секторов «дуалистической» модели экономики А. Льюиса, который определил данный феномен как «двухсекторную» модель развития, где один сектор состоит из современных капиталистических фирм, максимизирующих прибыль, а другой — из крестьянских хозяйств, подчиняющихся совсем другим правилам распределения прибыли [Lewis, 1954]. Такая «дуалистическая», или «двухсекторная», модель содержательно использовалась Г. Гроссманом, а также В. Тремлем и М. Алексеевым при анализе плановой экономики СССР (здесь она получила также название экономики «второго сектора») [Grossman, 1982; Tremel, Alexeev, 1994]. К сожалению, данные авторы разрывали экономику на две независимые части, хотя неформальный сектор неизбежно проникал в формальный и различия между ними размывались [Bohannan, 1959; Hutchinson, 1996].

Выступивший против подобной трактовки данного явления Йохан Расанаягам [Rasanayagam, 2011] предложил интерпретировать «неформальность» как «пограничное» состояние (*boundaries*), основываясь на концепции экономических сфер [Barth, 1967; Bohannan, 1959; Hutchinson, 1996]. По мнению Расанаягама, «границы между сферами являются продуктом морально-нравственных систем социума и индивида и осуществления политической власти, а также средств, с помощью которых ресурсы перемещаются через границы». Он подчеркивает, что такой подход, в отличие от концепции неформальной экономики, «позволяет нам поставить во главу угла рассмотрение более широкого круга проблем и ответить на вопрос, каким образом строятся отношения между индивидом и обществом» [Rasanayagam, 2003. P. 3].

Исследованная Расанаягамом диффузия неформальных и формальных практик взаимодействия (пограничных состояний) в Узбекистане показала, что в большинстве случаев легальная работа в колхозе у индивида сочетается с нелегальной практикой использования имущества колхоза в личных, родовых целях или в целях знакомства на основе взаимных обязательств (услуга за услугу). Для обозначения тако-

го круга Расанаягам вводит понятие «контекстуального» сообщества. В отличие от традиционного взгляда на сообщество как конкретную географическую территорию Расанаягам предложил рассмотреть сообщество как «идеал взаимодействия между членами контекстуально определенной группы людей и институтов» [Humphrey, 1998; Kotkin, 1995; Rasanayagam, 2003, 2011], которые «используют какой-то определенный набор моральных ценностей в деятельности, имеющей место в контексте данного сообщества, и другие ценности в действиях, предпринятых с целью получения личной выгоды» [Rasanayagam, 2003].

1. Сулак: трагедия прибрежного рыболовства и неопределенное государственное регулирование

Рассмотрим данное понятие на примере местного рыболовецкого сообщества поселка городского типа Сулак (Дагестан). Сулак стал основной базой исследования, однако его расширенные рамки включают всё северное побережье Каспийского моря, вплоть до административной границы Республики Дагестан с Республикой Калмыкия (такие поселения, как сёла Кизлярского района Дагестана Крайновка, Брянск, Новотеречное, Старый Терек и др.). Сулак располагается в 30 км от города Махачкалы. Население поселка Сулак, по официальным данным, — свыше 8,5 тыс. человек, в числе которых — ногайцы (составляющие подавляющее большинство населения), кумыки, русские, лакцы, аварцы, даргинцы, лезгины, а также азербайджанцы, ведущие в регионе полулегальный образ жизни.

Развал СССР в 1991 году положил начало процессу банкротства основных рыбопромысловых и рыбоперерабатывающих предприятий Сулака, наиболее значительным из которых был рыбоконсервный завод, обеспечивавший занятость большинства жителей поселка и его окрестностей. Процесс банкротства завода длился дольше, чем разорение рыбопромысловых предприятий (вплоть до середины 2000-х годов), но гораздо сильнее ударил по официальным заработкам жителей, которые с начала 1990-х годов активно занялись массовым нелегальным выловом биоресурсов Каспийского моря.

Государство предприняло несколько шагов для борьбы со всевозрастающими объемами нелегальной рыбной ловли. Во-первых, в дополнение к запрету 1965 года на морской промышленный вылов осетровых в 2002 году был введен запрет на любой промышленный вылов осетровых. Во-вторых, с конца 1990-х годов начался процесс расширения *пограничной зоны*, которая теперь простирается на сотни километров в длину и на десятки в ширину. Расширение пограничной зоны сопровождалось двумя другими регулятивными механизмами:

- переподчинением пограничной службы в ведение ФСБ РФ, что позволило пограничникам гораздо полнее реализовывать свои контрольные и разрешительные полномочия на огромной территории [Голунов, 2012];

- наделением пограничников полномочиями по контролю над экономической деятельностью в рамках пограничной зоны РФ.

В-третьих, основными инструментами регулирования использования биоресурсов стали *рыбопромысловые участки (РПУ) и индивидуальные трансфертные квоты (ИТК)*, распределяемые посредством проводимых органами государственной власти аукционов (конкурсов). Аукционы проводятся Западно-Каспийским территориальным управлением (ЗКТУ) Федерального агентства по рыболовству. Пограничная служба осуществляет контроль над деятельностью рыбаков внутри РПУ.

2. Теоретические рамки исследования и использованная методология

Для изучения структуры рыболовецкого сообщества в целом и браконьерства в частности концепция неформальной экономики как диффузии неформальных и формальных практик взаимодействия акторов «контекстуального» сообщества будет проанализирована в рамках институциональной теории.

Поставленная Г. Хардином проблема «трагедии общин» (*tragedy of the commons*) [Hardin, 1968] вызвала повышенный интерес со стороны как экономистов, так и социологов, антропологов, экологов и политологов к проблеме неэффективного государственного и частного управления ресурсами общего доступа. Э. Остром подробно проанализировала недостатки таких подходов и обобщила наиболее успешные практики самоуправления. Выделенные признаки устойчивых, существующих в течение длительного времени самоуправленческих институтов легли в основу концепции Институционального анализа и развития (ИАР) [Остром, 2010]. Кардинальное отличие данной концепции от классической институциональной организационной теории и теории фирмы состоит в том, что концепция ИАР впервые признала положительную и, самое главное, решающую роль третьей стороны в регулировании ресурсов общего доступа — роль сообщества, которого ни теория государства, ни теория фирмы не просто не замечали, но и порой считали силой негативного регулирования.

Первое: в рамках концепции ИАР получила дальнейшее развитие неинституциональная трактовка понятия института [Остром, 2010]. Институт определяется как «отрегулированные и повторяющиеся образцы человеческого поведения, основанные на информации, источником которой служат определенные правила, нормы и стратегии, используемые людьми при совершении ими определенных действий» [Норт, 1997; Остром, 2010. С. 37]. Институциональный дизайн в рамках концепции ИАР формируется тремя важными невидимыми переменными: *правилами, нормами и стратегиями* [Ostrom, 2005]. Под *правилами* Остром понимает общие предписания (что обязан, чего не должен и что может совершать индивид), которые понятны

всем участникам взаимодействия и разделяются ими; такие предписания предсказуемы для участников взаимодействия и тем самым легитимны для реализации соответствующими агентами, ответственными за мониторинг правил и наложение санкций за их нарушение. Под *нормами* Остром понимает общие предписания, которые, как правило, исполняются участниками взаимодействия благодаря внутреннему (мотивы индивида) или внешнему (штрафы, угроза уголовного преследования и тюремного заключения) принуждению. Под *стратегиями* Остром понимает заранее разработанные планы действий, встроенные в структуры стимулов и мотивов индивидов, имеющие источники происхождения в правилах, нормах и ожиданиях вероятного поведения других индивидов в ситуациях, на которые воздействуют соответствующие материальные и физические условия. В такой цепочке переменных правила выступают низшим звеном (*неформальные правила*) и дают толчок образованию социально-правовых норм в сообществе. Стратегии — это совокупность правил и норм, непосредственно формирующая образцы поведения индивидов, то есть институты.

Второе: для процессов институционализации необходимо социальное пространство, в котором могут взаимодействовать индивиды, происходит обмен товарами и услугами, борьба между акторами и т. д. Такое социальное пространство в концепции ИАР обозначается термином «*площадка деятельности*» — основной концептуальной единицы подхода. Она включает *конкретную* ситуацию действия (*action situation*) и акторов, вовлеченных в такую ситуацию.

Третье: процессы взаимодействия внутри площадок деятельности определяются неформально работающими правилами (*working rules-in-use*) — «разделяемыми вовлеченными в рамки площадок деятельности индивидами восприятия своих действий, на которые оказывают влияние общие предписания сообщества относительно того, какие действия разрешены, запрещены или требуются от индивидов» [Ostrom, Gardner, Walker, 1994]. Непременный набор таких интерпретационных правил определяется концепцией ИАР в виде семи типов: правила входа и выхода; позиционные правила; правила масштаба; правила обеспечения «властных» полномочий; правила агрегации; правила распространения открытой или закрытой информации; правила выигрыша (подробнее см.: [Ostrom, Gardner, Walker, 1994]).

Четвертое: на конкретные ситуации действия внутри площадок деятельности оказывают воздействие *атрибуты материального мира*¹ и *атрибуты сообщества*. К основным атрибутам материального мира относятся *исключение индивидов из процесса изымания и проблема «без-*

---

¹ Термином «атрибуты материального мира» Остром обозначает влияние биофизических и материальных условий на процессы изымания ресурсов и жизнедеятельность институтов сообществ. В статье основное внимание будет уделено экономическим переменным, которые Остром ставит в концепции на первое место.

билетника» [Олсон, 1995], а также *иллюзорная неисчерпаемость потока благ*, связанная с проблемой потребления индивидами единиц ресурса общего доступа. В отличие от других благ, которые при потреблении одной единицы ресурса не сокращают доступность других единиц блага для остальных пользователей, блага общего доступа (биоресурсы водоемов) не обладают таким качеством. В исследуемом случае атрибутами сообщества будут *родовые (тухумные) отношения и трудовая миграция* в другие регионы страны.

Наконец, *пятое*: процесс принятия решения в сообществе в рамках концепции ИАР рассматривается как многоуровневый и осуществляется сразу на нескольких площадках деятельности, располагающихся на нескольких уровнях принятия решений. При этом взаимодействие на площадках деятельности осуществляется посредством интерпретационных правил. Выделяются *операционный, коллективный и конституционный* уровни принятия решений [Остром, 2010. С. 112—116].

Методология и выборка исследования. Для исследования взаимодействия на разных уровнях саморегулирования сообщества использовались стандартные социологические методы, включавшие *структурированное и полуструктурированное интервью* с жителями рыболовецких поселков, членами их семей, членами «неофициальных» бригад в Дагестане и Азербайджане², *неформальную беседу, фокус-группы и социобиографический метод*. В качестве непосредственного метода исследования образцов интерпретационных правил, сложившихся в сообществе, использовалось *включенное наблюдение*.

3. Анализ процессов взаимодействия и результаты

В ходе исследования было вычленено несколько ключевых площадок деятельности на всех уровнях принятия решений. *Конституционный уровень принятия решений* подразумевает существование законодательных органов федерального и регионального уровня государственной власти, разрабатывающих федеральные законы и региональные нормативно-правовые акты в области регулирования рыболовства и сохранения биоресурсов, а также исполнительные органы государственной власти, следящие за исполнением данных нормативно-правовых актов и принимающие соответствующие постановления и приказы по конкретным вопросам сферы рыболовства.

Поскольку количество «площадок деятельности» на конституционном уровне достаточно велико, полезно провести соответствующий анализ нормативно-правовых актов — как окончательных решений споров. Это станет эффективным средством для определения главенствующих писанных правил, влияющих на коллективный и операционный уровни принятия решений.

---

² Всего было проведено 43 интервью с рыбаками.

Вкратце перечислим основных участников конституционного уровня. На федеральном уровне государственного управления это Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство), подведомственное Министерству сельского хозяйства РФ, а также Комитет по аграрным вопросам Государственной Думы РФ. На региональном уровне государственного управления вопросами рыболовецкой деятельности занимаются Управление рыбного хозяйства в Министерстве сельского хозяйства Республики Дагестан и Западно-Каспийское территориальное управление (ЗКТУ) Росрыболовства РФ.

Стоит отметить отсутствие на подобных «площадках деятельности» представителей местного рыболовецкого сообщества, что характерно для слаборазвитой системы политического управления как таковой. В Сулаке даже официальные рыболовецкие предприятия не имеют общих официальных организаций (ассоциаций, союзов и т. п.). Рыбаки также не имеют никакого влияния на процесс принятия решений на официальных уровнях управления. Соответственно, интерпретационное правило входа и выхода, влияющее на число участников в «площадке деятельности», представляется «закрытым», исключая рыбаков из процесса правотворчества. Как следствие закрытости — информация, доступная таким участникам процесса вылова биоресурсов, будет ограничена.

Между тем вследствие закрытости в нормативно-правовых актах появляются решения, напрямую отражающие позиции тех или иных органов власти. Из подобных решений можно выделить создание РПУ. Настаивая на введении РПУ, Росрыболовство пыталось установить более совершенный контроль над изъятием ресурсов путем разграничения площадей вылова в территориальных морских и речных водах. Но получилось всё с точностью до наоборот. Например, в соответствии с «Правилами рыболовства»³ рыбакам не позволено размещать сети в границах РПУ дальше чем на два километра от берега моря (в то время как, например, в Азербайджане сфера рыболовства может простираться на 10 км от берега, и это при гораздо большей глубине моря у побережья). Во многих случаях места, выделяемые в рамках РПУ, некоторые рыбаки иронично прозвали «болотом»: мелководье, заросшее травой и водорослями (по словам рыбаков, «там, где нет рыбы, но где легально разрешено рыболовство»). Части территории дагестанского заповедника, частично расположенные в границах РПУ, имеют, естественно, запретные зоны для рыбной ловли, но такие зоны порождают еще большие импульсы для нелегальной деятельности рыбаков (по мнению рыбаков, там могут беспрепятственно размножаться и наращивать поголовье как частиковые, так и осетровые породы рыб).

Закрытость входа и выхода, а также отсутствие достаточной информации о происходящем внутри «площадок деятельности» создает

---

³ Приказ от 13 января 2009 года № 1 Федерального Агентства по рыболовству «Об утверждении правил рыболовства для Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна».

в исследуемом случае ситуацию разрыва между конституционным уровнем принятия решений, с одной стороны, и коллективным и операциональным уровнями — с другой. Налицо оторванность системы государственного управления от повседневной реальности, которую характеризуют процессы, происходящие на коллективном и операциональном уровнях. По этой причине целесообразно рассмотреть «площадки деятельности» на коллективном и операциональном уровнях в их взаимосвязи.

Коллективный уровень принятия решений в исследуемом случае будет включать следующие «площадки деятельности»: *пограничную зону РФ в северной части Республики Дагестан* (основная «площадка деятельности» на коллективном уровне); *социальное пространство поселка Сулак*, а также *аукционные площадки*, предназначенные для проведения конкурсов на право приобретения РПУ или распределения ИТК.

«Площадки деятельности» на операциональном уровне принятия решений будут включать «биржу», где осуществляется оптовая продажа добытой рыбы, три официально действующих рыболовных причала и остальную береговую линию побережья Каспийского моря и реки Сулак в северной части Дагестана.

Анализ действия интерпретационных правил необходимо начать с рассмотрения *аукционных площадок* и «площадки» *социального пространства поселка Сулак*. Участниками аукционов являются непосредственные претенденты на получение РПУ или ИТК — владельцы рыболовецких предприятий, члены специально учреждаемых Минсельхозом Дагестана комиссий, а также представители неофициально влияющей на конфигурацию интерпретационных правил пограничной службы.

Пограничное управление ФСБ РФ во многом определяет правила «входа» в аукционные «площадки деятельности», как и расклад окончательных позиций (позиционные интерпретационные правила). Один из владельцев рыболовецких предприятий региона свидетельствует:

Люди многие не понимают. Мне просто один человек, начальник (пограничной заставы, пришел ко мне и сказал: М. (а мы занимались прогулками и рыбачили, причал прогулочный у меня был), открывай свое ООО, бери лицензию, бери РПУ. Они же более информированы о ситуации, рыбаки же ничего не знают... Вот я открыл ООО, потом участвовал в тендере... Я подарки делал, в каком смысле: в ресторан пошли, посидели. Там потому что учатся ребята, которые из Владикавказа (я их знаю). В Махачкале связался я с русским мужиком по наводке начальника местного ГМИ ПУ РФ, тоже русского. Я попросил помощи у этого мужика, потому что первый раз шел на тендер. Это же Дагестан: кому-то деньги надо, кто-то по знакомству.

Этот отрывок из интервью с одним из владельцев рыболовецких предприятий дает нам возможность выделить еще одно интерпретационное правило аукционной площадки — циркуляцию закрытой информации, доступ к которой могут получить только представи-

тели органов государственной власти либо пограничной службы. Проблема предоставления заболоченных или мелководных участков говорит о недоступности информации о качестве РПУ для их будущих владельцев. Схожая ситуация с размещением РПУ на территории Дагестанского заповедника отражает не только информационную закрытость аукционных площадок, но и закрытость «входа» на аукционы для Министерства природных ресурсов и экологии Дагестана.

«Площадка деятельности» коллективного уровня принятия решений *социального пространства поселка Сулак* включает все ситуации взаимодействия между членами «контекстуального» сообщества внутри поселения Сулак. Поскольку таких ситуаций много, рассмотрим две ключевые структуры такой «площадки», оказывающие значительное влияние на процесс изымания сообществом морских биоресурсов. Это *муниципальная администрация и органы МВД в поселке Сулак*. Структуры часто пересекаются, поэтому сложно определить, где заканчивается одна часть социального пространства (муниципальная администрация) и начинается другая (органы МВД). «Вход» и «выход» в местную администрацию определяются на региональных «площадках деятельности» политического уровня принятия решений. Глава поселка назначается мэром Махачкалы по согласованию с главой Кировского района города Махачкалы. Особенностью такого назначения является постоянный упор на национальность назначаемого лица (ногайца), что не влияет позитивно на политическую ситуацию в поселке. Неногайское население недовольно «монополизацией» власти ногайцами и постоянным «крышеванием» такой монополии политическим центром региона. В то же время ногайцы недовольны социально-экономическим положением поселения: отсутствием нормальной производственной и социальной инфраструктуры, неспособностью муниципальной власти привлечь инвестиции для создания дополнительных рабочих мест.

Совершенно иную картину мы наблюдаем при рассмотрении интерпретационных правил взаимодействия в деятельности органов МВД в рамках социального пространства поселка Сулак. «Тухумные» отношения определяют «вход» и «выход» в данную структуру. 90% сотрудников местного отдела полиции являются ногайцами и только 10% — представителями других национальностей. При этом «тухумность» здесь характеризуется наследственной преемственностью работы. Например, нынешний начальник поселковой полиции принял этот пост после трагической гибели своего дяди. Его заместитель является преемником своего отца, работавшего в отделе милиции еще в 1990-х годах. Как видим, зависимыми от структуры «тухумных» отношений являются и позиционные интерпретационные правила, то есть карьерный рост сотрудников.

Циркуляция информации носит закрытый характер, однако распространяемый на всё «контекстуальное» сообщество. Например,

живущие и работающие нелегально в неофициальных интернациональных бригадах азербайджанцы вынуждены платить местной полиции за право оставаться на территории поселения без регистрации в государственных миграционных службах Махачкалы. Эта же плата гарантирует им неприкосновенность от полиции при возвращении из нелегальных выходов в море под Казахстан или в дельту реки Волга. Когда же азербайджанец или другой аутсайдер «тухумной» группы становится частью рода, данная плата снимается и аутсайдер с этих пор превращается в инсайдера.

Плата становится частью интерпретационного правила обеспечения «властных» полномочий сотрудниками полиции. Однако при исполнении такого типа правил полиция часто вступает в конфликты с пограничной службой. Автору известно несколько подобных конфликтных ситуаций, объединяющих некоторые «площадки деятельности» разных уровней принятия решений⁴.

Пограничная зона РФ включает также Пограничное управление в городе Каспийске и локальные, районные пограничные заставы, располагающиеся непосредственно на побережье Каспийского моря. Основными акторами пограничной зоны являются непосредственно сотрудники пограничной службы РФ, а также члены «контекстуального» сообщества, куда входят рыбаки трех официальных рыболовецких артелей поселка Сулак, рыбаки неофициальных интернациональных бригад и неофициальных «тухумных» ногайских бригад, работающих как на «дальняках» (выходы в море к берегам Казахстана), так и в территориальных водах России у побережья Дагестана; рыбаки, осуществляющие нелегальный вылов рыбы на побережье Каспийского моря у поселка Сулак (на местном сленге «делающие тяг», или «комбинезонники»), а также члены местного рыболовецкого сообщества, продающие нелегальную рыбу на «бирже», на сельскохозяйственных рынках, на улицах или по знакомым в Махачкале.

Каждая рыболовецкая артель как имеющая один официальный причал включает в среднем по 15 бригад, примерно по три-четыре человека в каждой, то есть около 180 официально занятых в рыболовецкой деятельности рыбаков на 45 существующих легальных бригад. При этом надо отметить, что разница в количестве работающих рыбаков может достигать 50—60 человек, в зависимости от сезона.

Точно подсчитать численность неофициальных интернациональных и «тухумных» бригад сложно (да и невозможно из-за большой ротации их участников). Если принимать во внимание, что в каждой бригаде три-четыре рыбака (как и в официальной рыболовецкой бригаде), то

---

⁴ Один из таких случаев достаточно стандартен для Сулака. Ногайский рыбак из официальной рыболовецкой артели был пойман сотрудниками пограничной заставы с поличным (20 кг осетрины и 5 кг черной икры), но каким-то образом сумел освободиться от преследования пограничников и скрылся в своем домовладении на территории поселения. Когда пограничники потребовали у местной полиции арестовать этого рыбака, полиция отказалась это сделать, обосновав свое решение отсутствием доказательств вины рыбака.

получается довольно значительное число — 1200—1600 рыбаков. Из Сулака из этих бригад в осенний, зимний и весенний период выходят до 100 бригад (байд). Летом их число резко сокращается — прежде всего в связи с устанавливающейся жаркой погодой.

Постоянное количество женщин, торгующих на «бирже», также различается и зависит от количества пойманной рыбаками рыбы — соответственно, от сезона. Обычное число постоянных мест — семь, но это число может варьироваться от двух в низкий сезон до пятнадцати в высокий. Помимо нелегальной рыбы, пойманной рыбаками неофициальных «тухумных» бригад и нелегальными рыбаками — «комбинезонниками», ловащими с берега, на «биржу» доставляется и рыба, пойманная рыбаками официальных артелей. Число женщин, продающих рыбу в Махачкале, держится на достаточно стабильном уровне — 40—50 человек.

Правила входа и выхода в пограничную зону как «площадку деятельности» зависят от дальности проникновения участников процесса изымания ресурса внутрь зоны и характеризуются, с одной стороны, официальным допуском сотрудников пограничной службы и Росрыболовства, допуском по лицензии рыбаков рыболовецких предприятий, действующих в поселке, а с другой стороны — свободным и нелегальным «проходом» в зону членов неофициальных интернациональных и «тухумных» бригад. В связи с этим понятия «вход» и «выход» из пограничной зоны размыты и зависят больше от того, является ли человек инсайдером «контекстуального» сообщества или же аутсайдером. В целом постоянное расширение официальных границ зоны внутрь пространства моря и неофициальных на территорию поселка Сулак (повторяющиеся с высокой периодичностью проверки домов местных жителей на наличие большого количества красной рыбы и икры) делает затруднительным вход, например, для азербайджанских рыбаков, нелегально приезжающих в Сулак для рыбной ловли. «Вход» и «выход» на причалы официальных артелей, располагающихся внутри пограничной зоны, определяются тухумными отношениями. Более того, причал в рамках пограничной зоны является основной ареной конфликтов между тухумами, поскольку олицетворяет легализованный государством способ рыбной ловли. «Вход» на причал означает монополизацию рыбной ловли в поселке, которая оставляет за бортом легального рыболовства большинство жителей поселения в условиях постоянно ужесточающихся правил игры по вылову рыбы.

Можно отметить три определяющие черты работы данного интерпретационного правила на «бирже». *Во-первых*, большинство продавщиц на «бирже» могут работать там только при условии прямых поставок рыбы рыбаками либо из неофициальных «тухумных» бригад, либо работающими с берега или (что происходит всё чаще) приема рыбы у рыбаков из официальных рыболовецких артелей. Тухумным отношениям всё больше подчиняется и разовая торговля на «бирже».

Одна из не имеющих отношения к «биржевой» торговле ногаек рассказывает:

— У меня там двоюродная сестра постоянно работает на рыбе. Раньше, еще в середине 2000-х годов, ходила в Махачкале, тяжелые сумки таскала с рыбой, пока не надорвала спину.

— И что дальше?

— Ну, к этому времени как раз ее тетка освободила место на «бирже», ну и сестра тут же заняла ее «рабочий» стол. Сейчас в сезон может и до 3000 рублей в день сделать.

В условиях резкого сокращения популяции осетровых и ужесточения контроля со стороны государства за выловом рыбы «тухумное» наполнение оказывает всё больше влияния на «вход» и передачу права по «родовому» наследству при «выходе» на биржу. Естественно, что «тухумные» отношения всё сильнее закрывают «биржу» от других национальностей. *Во-вторых*, цены на «бирже» определяются, по признанию одной из респонденток — работниц «биржи», оптовиками с рынка Махачкалы, которые приезжают в начале дня в Сулак (до основных покупателей) и торгуются с «биржевичками» по поводу оптовой цены на конкретные виды рыбы. Это обстоятельство дает возможность «отстранить» от входа на «биржу» тех женщин-ногаек, которые торгуют либо не подходящими для торговли на «бирже» видами рыбы, либо не соответствующими по размеру и весу преобладающим на «бирже». *В-третьих*, отмеченное выше интерпретационное правило обеспечения «властных» полномочий предоставляет органам МВД значительные права в контроле за «выходом» и «входом» из/на «биржу».

Интересно, что каких-либо ограничений для «входа» в торговлю рыбой на улицах Махачкалы не существует: «здесь может торговать любая». Соответственно, все, кто не может торговать на «бирже» либо продавать скупленную рыбу оптом (например, на Цумадинский рынок в Махачкале — традиционное место скупки нелегальной рыбы), едут торговать рыбой на улицы Махачкалы или продавать ее там же по знакомым⁵.

Позиционные правила. Наиболее мобильными позиционными каналами в указанных категориях участников «контекстуального» сообщества обладают члены неофициальной интернациональной бригады. В рамках «площадки деятельности» социального пространства поселка Сулак мы будем сталкиваться с ситуацией, когда у индивида не окажется возможностей для повышения своей позиции, обусловленной отсутствием необходимого уровня образования, социально-

---

⁵ Иногда между женщинами — «биржевичками» и торгующими на улицах Махачкалы — происходили серьезные конфликты, заканчивавшиеся звонком одной из продавщиц «биржи» на пост ДПС, находящийся на въезде в Сулак, или на пост ДПС при въезде в Махачкалу. Этим звонком «биржевички» сообщали о находившейся в одной из маршруток женщине с несколькими парами рыб осетровых пород. Таким образом «биржевички» стараются поддерживать монополию на продажу рыбы с «бирж» и привлекать клиентов из Махачкалы на сулакскую «биржу».

экономических гарантий мобильности и т. д., тогда как в бригаде позиции определяются *относительным равенством ее членов* (строго определенное заранее количество выплат по пойманному объему рыбы, четко распределенная функциональная ответственность между членами бригады и т. д.), по крайней мере на более поздних этапах социализации членов, что в числе прочего компенсирует недостаток образования как помеху в карьере.

Менее жесткие «тухумные» отношения определяют позиционное продвижение на «бирже». Как и в случае с получением работы в органах МВД поселка, позиционные правила определяются наследственностью в тухумной структуре отношений.

При анализе «входа» и «выхода» в пограничную зону отмечалась расплывчатость формальных (официальных) границ зоны. Официальная трактовка границы Пограничным управлением, обычно отражаемая на территориальных картах побережья Республики Дагестан, противоречит ее неофициальным границам, рассматриваемым в рамках интерпретационного *правила масштаба*. Для членов неофициальных интернациональных бригад, как и для неофициальных «тухумных» бригад, понятие границы отсутствует как таковое. «Биржевички» же и члены официальных рыболовецких бригад четко ассоциируют пограничную службу с охраной границы, которая для них находится за 100 или 200 км от Сулака, а «вторжение» пограничников на территории выделенных им же государством РПУ и контроль уловов считается рыбаками артелей «противозаконным» актом. Следовательно, в условиях быстрого расширения территориальных границ пограничной зоны устанавливаемые границы лишь усиливают мотивацию членов «контекстуального» сообщества к несоблюдению предлагаемых регулятивных норм.

Правила обеспечения «властных» полномочий на рассматриваемых «площадках деятельности» не отличаются от тех, что были рассмотрены при анализе действий акторов в рамках такой площадки, как социальное пространство поселка Сулак. На всех площадках операционального уровня данный вид интерпретационных правил будет главенствующим. Поэтому большинство остальных видов интерпретационных правил будет зависеть от этого вида правил.

Ситуацию можно описать следующим образом. Полиция поселка Сулак обеспечивает «крышу» нелегальной деятельности рыбаков на причале. Это может относиться как к сдаче рыбы на «биржу», так и к нелегальной работе азербайджанцев из интернациональных бригад в артели в летний период. Такие действия местной полиции вызывают ответную негативную реакцию со стороны пограничной службы. При этом владельцы причалов (то есть рыболовецких артелей) не могут оказать никакого влияния на процесс обеспечения «властных» полномочий, помимо изъятия официальной лицензии на рыболовецкую деятельность, что, с учетом «тухумного» характера «входа» и «выхода» с причалов, не наносит большого урона рыбакам.

Процесс «крышевания» распространяется помимо этого на нелегальную продажу морских и речных биоресурсов на «бирже» (включая рыб осетровых пород, а также тюленьего жира), на неофициальные «тухумные» бригады, члены которых обязаны «советоваться» с сотрудниками органов правопорядка в вопросах нелегальной торговли запрещенными к вылову видами рыб и млекопитающих⁶.

Правила обеспечения «властных» полномочий определяют в пограничной зоне действие *правил распространения открытой или закрытой информации*. Закрытую информацию о деятельности основных акторов на причале и на «бирже» можно разделить на два основных вида. Информация о превышении выделяемой рыболовецким предприятиям квоты на вылов частиковой рыбы, а также о нелегальной сдаче частиковых пород рыб на «биржу» и дальнейшей перепродаже такой рыбы доступна всем членам «контекстуального» сообщества, и на ее распространение внутри сообщества не накладываются какие-либо ограничения. Гораздо более закрытый характер носит информация о вылове и дальнейшей продаже рыбы осетровых пород, черной икры, тюленьих шкур и жира. Циркуляция закрытой информации первого вида как на причале, так и на «бирже» контролируется органами МВД, второго вида — непосредственно «тухумными» структурами. Правила распространения открытой или закрытой информации в неофициальных интернациональных бригадах различаются равномерным распространением среди членов бригады информации обоих видов. Такое распространение основано на возможностях получения членами четко определенных экономических выгод.

Открытой остается проблема *компенсации* внутри «биржи». Думается, наследственная «тухумная» обеспеченность места на «бирже» для представителей конкретных ногайских тухумов и, как следствие, стабильность работы на «бирже» создает свой постоянный круг продавцов — «биржевичек», работающих друг с другом по многу лет. Это порождает доверие, что резко сокращает количество конфликтов внутри «площадки». В таких условиях единственным «держателем» санкций выступают органы МВД.

4. Рекомендации органам исполнительной власти РФ

Во-первых, следует расширить трактовку понятия сообщества, не только определив данным понятием границы национально-этнических образований, как это обычно принято в российском законода-

---

⁶ Один из респондентов автора рассказал историю о том, как в середине 2000-х годов его бригада охотилась на каспийского тюленя и искала способы сбыта тюленьих шкур и тюленьего жира. Для того чтобы наладить торговлю данными товарами в Сулаке, рыбаки обращались за разрешением в полицию поселения, в которой им несколько раз отказали в праве не только продавать тюленьи шкуры и жир на «бирже», но и распространять их частным образом. В результате рыбаки переключились на рынок сбыта товара в горных районах Дагестана.

тельстве и в социальной практике (где сообщество часто привязывается к понятию общины как управленческой единицы), но и включив в определение сообщества не национальные образования, например местные сообщества, занимающиеся рыболовецкой деятельностью или охотой.

Во-вторых, необходимо распространить действие новых механизмов регулирования (ОРВ, «умное регулирование») на сферы охраны окружающей среды, регулирования производственных процессов, связанных с использованием ресурсов окружающей среды, и учет связанных с этим социальных аспектов взаимодействия. Расширение сферы действия должно учитывать действие упомянутых интерпретационных правил, атрибутов сообщества и материального мира.

В-третьих, целесообразно не отказываться полностью от использования РПУ в сфере прибрежного рыболовства. Вместо этого можно было бы сделать несколько шагов по улучшению их использования. Первым из таких шагов является предоставление полной информации по предоставляемым РПУ на публичное обозрение до проведения аукционов, в том числе не только учета (а не простого перечисления) тех пород рыб, которые обитают на территории РПУ, но также указания примерного количества каждого вида рыб и процессов миграции рыб по сезонам. Топографические карты участков должны быть доступны на соответствующих сайтах в Интернете и обязательно обсуждаться не только с владельцами рыболовецких артелей, но и с рыбаками бригад, задействованных в рыболовецкой деятельности. Вся информация должна быть полностью отражена в характеристике конкретного (каждого) РПУ. При эксплуатации РПУ также возможно проведение лотереи для определения очереди пользования такими участками [Lobe, Berkes, 2004].

В-четвертых, целесообразно увеличить размеры выделяемых как из федерального, так и из регионального бюджета субсидий для создания индивидуальных рыболовецких хозяйств (в целях товарного рыболовства), а также создания рыбоперерабатывающих предприятий. Выделять такие субсидии стоит не для отдельных индивидуальных предпринимателей, а на основе участия членов «контекстуального» сообщества — так, чтобы каждый из участников сообщества (которых очень немного) имел право участия в процессе принятия решений и, следовательно, получал бы свою долю прибыли от доходов производства. Строительство шести-семи небольших осетроводческих ферм в поселке стало бы оптимальным вариантом. Часть средств от доходов члены «контекстуального» сообщества в этом случае могли бы пустить на развитие производственной инфраструктуры поселка.

Необходимо подчеркнуть, что все экономические меры должны быть осуществлены строго в рамках означенного в работе «контекстуального» сообщества, включая представителей неофициальных интернациональных и «тухумных» бригад. Успех экономической дея-

тельности поселка будет также зависеть от интеграции в сообщество сотрудников пограничной службы.

Литература

1. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2004.
2. Голунов С. Приграничная зона // Отечественные записки. 2012. Т. 47. № 2.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997. 180 с.
4. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы. 1995. 165 с.
5. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН. 2010. С. 410.
6. Харп К. Неформальные доходы и городская занятость в Гане // Неформальная экономика: Россия и мир / Под. ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 532–537.
7. Barth F. Economic Spheres in Darfur // Themes in Economic Anthropology / R. Firth (ed.). L.: Tavistock Publications. 1967. P. 149–174.
8. Boeke J. H. Economies and Economic Policy in Dual Societies. Haarlem: Tjeenk Willnik, 1942.
9. Bohannon P. The Impact of Money on an African Subsistence Economy // Journal of Economic History. 1959. No 19. P. 491–503.
10. Grossman G. The second economy of the USSR / The Underground Economy in the United States and Abroad / V. Tanzi (ed.). Lexington, MA: Lexington Books, 1982.
11. Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science: New Series. 1968. Vol. 162. No 3859. P. 1243–1248.
12. Hjalager A-M. The illegal economy in the restaurant sector in Denmark // Tourism and Hospitality Research. 2008. No 8. P. 239–251.
13. Humphrey C. Marx Went Away but Karl Stayed Behind. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
14. Hutchinson S. E. Nuer Dilemmas: Coping with Money, War, and the State. Berkeley: University of California Press, 1996.
15. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization, University of California Press, Berkeley. CA. 1995.
16. Lewis A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. No 22. P. 139–149.
17. Lobe K., Firket B. The padu system of community-based fisheries management: change and local institutional innovation in south India // Marine Policy. 2004. No 28. P. 271–281.
18. Ostrom E. Understanding Institutional Diversity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
19. Ostrom E., Gardner R., James W. Rules, Games, and Common-Pool Resources. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
20. Rasanayagam J. Informal Economy, Informal State: The Case of Uzbekistan // International Journal of Sociology and Social Policy. 2011. Vol. 31. No 11–12. P. 681–696.
21. Rasanayagam J. Market, State and Community in Uzbekistan: Reworking the Concept of the Informal Economy / Max Planck Institute for Social Anthropology. Working Paper No 59. 2003.
22. Treml V., Alexeev M. The Growth of the Second Economy in the Soviet Union and Its Impact on the System // The Postcommunist Economic Transformation: essays in honor of Gregory Grossman / R. Campbell (ed.). Boulder: Westview Press, 1994. P. 221–247.

Илья ЕРМОЛИН, Cand. Sci. (Polit.). E-mail: ilyaer31@gmail.com.

Gaidar Institute of Economic Policy; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky prosp., Moscow, Russian Federation, 119571).

Communal Self-Regulation of “Informal” Economy: Evidences from Northern Dagestan in Russia

Abstract

The author analyzes the self-regulation of “informal” economy in the coastal fishing in Northern Dagestan using Institutional Analysis and Development framework elaborated and developed by E. Ostrom. The overall goal was to identify the basic patterns of interactions among the members of local fishing community and propose some effective tools to improve state regulatory policy in the sphere of coastal fishing. Usual set of anthropological and sociological tools was used by the author to analyze the processes, including life story, structural and semi-structural interview, focus groups, informal conversations and short-lasting participant observation as the main one. Results of the study can be seen as follows: first, the state (constitutional) level of decision-making is significantly separated from the others: collective and operational (day-to-day life of community members). As a consequence, many local fishers in the border area who spent all their lives fishing ignore rules introduced by the state agencies and are accused of poaching; second, Nogai kinship relationships are seen as the most influential factors in distributing specially designated fishing areas (DFAs) and individual transferable quotas (ITQs) among the members of fishing community, thereby excluding non — Nogai fishers from legal fishing; third, illegal brigade as a social unit specializing on the sturgeon poaching is seen as most appropriated form of organization for local fishers, as far as it presents more equal opportunities for participation in fishing activities than official fishing enterprise does.

Key words: state regulatory policy, communal self-regulation, informal economy.

References

1. Barsukova S. Iu. *Informal economy: socio-economic analysis*. Moscow: HSE Publ., 2004.
2. Golunov S. Border Zone. *Otechestvennye Zapiski*, 2012, no. 2.
3. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi “Nachala”, 1997, 180 pp.
4. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Moscow: Fond Ekonomicheskoi Initsiativy, 1995, 165 p.
5. Ostrom E. *Governing the Commons: the evolution of institutions for collective action*. Moscow: IRISEN, 2010, 410 p.
6. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. In: Shanin T. (ed.). *Informal Economy: Russia and the World*. Moscow: Logos, 1999, pp. 532–537.
7. Barth Fr. Economic Spheres in Darfur. In: Firth R. (ed.) *Themes in Economic Anthropology*. London: Tavistock Publications, 1967, pp. 149–174.
8. Boeke J. H. *Economies and Economic Policy in Dual Societies*. Haarlem: Tjeenk Willnik, 1942.
9. Bohannon P. The Impact of Money on an African Subsistence Economy. *Journal of Economic History*, 1959, no. 19, pp. 491–503.
10. Grossman Gr. The Second Economy of the USSR. In: Tanzi V. (ed.). *The Underground Economy in the United States and Abroad*. Lexington, MA: Lexington Books, 1982.
11. Hardin G. The Tragedy of the Commons. *Science: New Series*, 1968, vol. 162, no. 3859, pp. 1243–1248.

12. Hjalager A-M. The Illegal Economy in the Restaurant Sector in Denmark. *Tourism and Hospitality Research*, 2008, no. 8, pp. 239-251.
13. Humphrey C. *Marx Went Away but Karl Stayed Behind*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
14. Hutchinson Sh. E. *Nuer Dilemmas: Coping with Money, War, and the State*. Berkeley: University of California Press, 1996.
15. Kotkin St. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.
16. Lewis A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *Manchester School of Economic and Social Studies*, 1954, no. 22, pp. 139-191.
17. Lobe K., Berkes F. The Padu System Of Community-Based Fisheries Management: Change and Local Institutional Innovation in South India. *Marine Policy*, 2004, no. 28, pp. 271-281.
18. Ostrom E. *Understanding Institutional Diversity*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2005.
19. Ostrom E., Gardner R., James W. Rules, Games, and Common-Pool Resources. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
20. Rasanayagam J. Informal Economy, Informal State: The Case of Uzbekistan. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2011, vol. 31, no. 11-12, pp. 681-696.
21. Rasanayagam J. *Market, State and Community in Uzbekistan: Reworking the Concept of the Informal Economy*. Working Paper no. 59. Max Planck Institute for Social Anthropology, 2003.
22. Treml V., Alexeev M. The Growth of the Second Economy in the Soviet Union and its impact on the system. In: Campbell R. (ed.). *The Postcommunist Economic Transformation: Essays in Honor of Gregory Grossman*. Boulder: Westview Press, 1994, pp. 221-247.